

Андрей Георгиевич Дашков
Суперанимал
Серия «Суперанимал», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148243
Андрей Дашков. Суперанимал: АСТ; Москва; 2002
ISBN 5-17-015615-4

Аннотация

...Мир после катастрофы. Станный, страшный и – увлекательный. Каким он может быть?

Оледеневший пустыней, в которой вынуждены выживать три расы – мутировавшие суперанималы-воины и ментаты-экстрасенсы и их новые рабы – обычные люди?

Замкнутым металлическим Лабиринтом-муравейником, которым правит таинственный и всемогущий Человек-бог?..

Безграничным океаном, где люди управляют стаями китов-косаток и белых акул – и где идет вечная, бесконечная война между народами «плавучего острова» и «подводного города»?..

Каким он может быть?

Содержание

Пролог	4
1. Руины	5
2. Цветок из книги	8
3. Мертвый ангел	10
4. Дядя Рой	13
5. Имена	17
6. Студент	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Дашков

Суперанимал

Пролог

Дуэль на ледяном кладбище

Это было ритуальное место, огороженное торосами и обледеневшими скалами. Сюда пришли двое, а уйдет только один – иначе зачем вообще нужны дуэли.

Уже был приготовлен и наполнен водой разборный металлический контейнер. От него шел пар; вода просачивалась сквозь щели и стекала на лед. Вокруг контейнера сустились суггесторы из похоронной команды. Вода остывала быстро, и никто не хотел затягивать время.

Оба дуэлянта понимали, в каком месте находятся и то, что один обретет здесь вечный покой. Несмотря на поспешность, с которой работали подручные, происходящее отдавало мрачной торжественностью. Мужчины были равно готовы умереть или жить. По их суровым лицам ничего нельзя было прочесть.

Пока не настала решающая секунда, младший равнодушно смотрел на неизменно темный горизонт. Он собирался идти дальше на запад, если останется жив. Ничто, кроме смерти, не могло прервать его путешествие. Тут была чужая территория, на которую он вторгся, и все заканчивалось так, как и должно было закончиться.

Старший опустил голову, глядя вниз – туда, где подо льдом лежали замороженные обнаженные мертвецы из его рода. Их лица были обращены к небу. Руки все еще держали оружие. Кое-кто демонстрировал застывшую улыбку. У некоторых были открыты глаза... Они неплохо сохранились, хотя кладбище было достаточно старым, и будто наблюдали за происходящим из глубины своей прозрачной могилы. Он не мог разочаровать тех, кто передавал код от отца к сыну. Судьба преследовала их всех, а теперь настигла последнего.

Ледяные параллелепипеды соприкасались гранями, образуя многослойное захоронение. Этажи чередовались в соответствии с возрастом поколений. Таким образом прошлое приобретало вертикальную протяженность.

* * *

...После того как прогремели выстрелы, смертельно раненный старик сумел произнести только одну фразу. Он поблагодарил врага за то, что ученик превзошел учителя. Цепь преемственности не порвалась. И сбылось его желание умереть здесь. Он спокойно передал свою душу следующему.

Суггесторы сразу же раздели труп и погрузили его в воду вместе с оружием. Мастер церемонии зафиксировал точное исполнение завещания. Спустя еще два часа контейнер разобрали, и очередная ледяная глыба заняла предназначенное ей место в вечной мерзлоте.

Одиночка, который пробирался на запад, к тому времени был уже далеко.

1. Руины

Он все-таки нашел этот город, затерянный посреди остывшей преисподней. Теперь тут прозябало не больше сотни людей, а когда-то обитали миллионы. Озирая величественные развалины, Локи презрительно улыбался. Среди зданий, выгоревших изнутри и превратившихся в памятники ужасу, он убедился в том, что лично ему чертовски повезло. Немногим выпала честь жить после того, как Господь затеял генеральную уборку. Вообще-то старик поздновато спохватился – планетка оказалась загаженной до невозможности. Пришлось пригласить компашку профессиональных чистильщиков из ада. Те знали свое дело и справились быстро. Кое-кто считал, что они даже слегка перестарались, но было поздно.

А потом настала эпоха таких, как Локи.

Больше не существовало бесчисленных и безликих толп. Каждый был замечен. От каждого зависело многое – если, конечно, не прятать голову в пепел и не ждать, пока придут суперанималы или суггесторы и отберут последнее.

Локи сам не раз отбирал последнее и знал, что подавляющая часть людей никогда не изменится. Во тьме, в глотке вечной зимы, миты по-прежнему будут мечтать о теплых домах, крыше над головой, сытной пище; мужчины – о женщинах, а женщины – о мужчинах и детях. Супраменталы грезили о более отвлеченном: мирной жизни, демократии, справедливости, музыке, свободном смехе, чистых реках, живых деревьях и – подумать только! – о солнце. Такие простые и понятные мечты. Наивные и абсолютно несбыточные...

Но не все разделяют их. И если отбираешь последнее, то надо быть готовым к отчаянному сопротивлению. Иногда намеченные жертвы проявляли редкое мужество, изворотливость и быстроту. Локи это не удивляло и даже доставляло удовольствие. Еще один скрытый суперанимал вылуплялся из рудиментарной скорлупы цивилизованности и становился на путь войны. Отныне и до конца – одиночка.

* * *

...Локи шел по закованной в лед и присыпанной снегом земле. Он отлично видел в темноте. Потрясающей красоты зарницы далеких гроз вспыхивали и переливались над умирающим миром. Огни ramпы, бессмысленно мерцающие под упавшим занавесом из облаков. На их фоне изломанный силуэт города казался абсолютно чуждым и враждебным образованием, колонией призраков, местом мрачных чудес, которые необходимо преодолеть, чтобы объявить себя хозяином территории. Город бросал вызов одним лишь фактом своего существования.

Локи шел, не обращая особого внимания на порывистый ледяной ветер, дувший навстречу. Снежные вихри проносились мимо, швыряя льдинки в лицо. Это было похоже на игру, которую затеяло безумное дитя. Именно так Локи воспринимал природу: дефективный ребенок, который уже никогда не станет взрослым, потому что радиация разрушила мозг. Зима никогда не кончится. Лед никогда не растает. Шерсть никогда не поредеет на теле Локи – разве что поседеет, как у всех тех, кто сумел дожить до старости.

Холод, господствовавший снаружи, не проникал глубоко. Локи чувствовал, как под грубой кожей бурлит горячая кровь. Лучшая приправа к свежему мясу. Большому зверю нужно много парного мяса. Оно давало энергию и силу, но это не значит, что он не мог без него обойтись. Случались голодные периоды, когда Локи месяцами вынужденно сидел на скудной диете, питаясь солониной и консервами. Под конец он ощущал себя прозрачным до

святости. Интерес к жизни угасал, а женщина поставила бы его перед трудным выбором: каким образом ее употребить.

По мере его продвижения слепые руины вырастали, заслоня большую часть неба. В хаосе завалов просматривалась некая искусственность. По обе стороны громоздились сваленные в три этажа автомобили. Локи оценил этот гигантский труд. Кто-то использовал кузова, чтобы оставить для чужаков единственную узкую и относительно проходимую тропу. Судя по отсутствию запахов, уже заброшенную. Пока Локи не чуял непосредственной опасности. Ловушек и мин не было. Он сделал вывод, что город давно никто не посещал; по крайней мере, никто не пытался войти с юго-востока.

Тем лучше. Он без труда преодолевал препятствия. Голод, который он испытывал в последние часы, был именно таким, как надо: кнут доброго хозяина, заставляющий ленивую скотину двигаться во имя ее же спасения. На месте сломанного левого клыка пока не успел отрасти новый, но у Локи было кое-что получше: Громобой в кобуре и Тихая Фрида в ножнах. Та еще парочка...

Итак, готов ко всему. В тяжелые времена «все» представляло собой довольно длинный список. Но у многих в этом списке не хватало только одного, зато главного пункта. Локи получил важнейший урок в шестнадцатилетнем возрасте, когда чудом выжил после тяжелого ранения. В бреду ему открылось нечто, радикально изменившее его жизнь. И жизнь приобрела небывалую остроту.

С тех пор каждую секунду Локи готовился к смерти. Она стала его религией. Он видел множество ее масок: чаще – злобных и отвратительных, но иногда – ласковых и снисходительных. Он знал, что у смерти длинные руки и дальность стрельбы из снайперской винтовки совсем не предел.

Кроме той, которую посылали друг другу люди, у смерти была еще одна, мистическая ипостась – Та, Что Приходит Сама По Себе. Это была самая страшная разновидность – на нее никак нельзя было повлиять. От человека ничего не зависело – по крайней мере на тех уровнях реальности, в которые он мог проникать и контролировать.

Локи были доступны три уровня. Он слышал о суперанимале по кличке Дракон, который освоил перемещения во времени на четвертом и частичные превращения на пятом. Трудно было даже представить проявления таких свойств... Но все это могли быть и сказки митов, которыми те пугали самих себя и своих глупых детенышей в озаренных кострами железобетонных пещерах.

Локи не раз присутствовал на подобных сборищах. Он прикидывался изгнанником, странником, заблудившимся правительственным (!) курьером – и получал место возле огня, пищу и воду в виде растопленного льда. Миты были так доверчивы и, кажется, ни хрена не чуяли! Смерть, дышавшая в затылок каждому, ничему их не научила. Они сидели вокруг огня и слушали сказки. Ночь тянулась долго, неопределенно долго – люди не двигались с места до тех пор, пока голод не произносил свое веское слово. Тогда немногочисленные и плохо вооруженные группки митов, трясущихся от холода и страха, выходили из убежищ на поиски пищи и того, чем можно было бы подкормить чахнувший огонь.

Локи уходил вслед за ними, но не возвращался. Иногда он собирал дань. Иногда впрыскивал семя суперанимала в какую-нибудь понравившуюся ему самку, чаще всего девственницу. Вряд ли потомство окажется жизнеспособным, но Локи рассчитывал на то, что рано или поздно сработают законы вероятности и количество перейдет в качество. Это была одна из главных задач самцов его вида – оплодотворить как можно больше самок в почти безнадежном поиске идеальной Носительницы Программы. Королевы.

Но если однажды он все-таки найдет такую, то станет преданнейшим телохранителем возле ее ложа-колыбели, в любой момент готовым на самопожертвование. Их потомство достигнет эволюционного потолка. И тогда Земля покажется всего лишь старым склепом,

в котором создавались существа новой расы. Для этих уже не будет преград. Время, расстояния, гравитация, энергия – все покорится им. Они смогут творить материю из вакуума и менять тела с такой же легкостью, с какой сейчас меняют одежду. А затем достигнут полного освобождения, окончательно разрушив оковы плоти...

Локи примерно знал, что представляет собой ПРОГРАММА. Впрочем, и это могло оказаться красивым мифом, придуманным для того, чтобы поддерживать впавшую в кому надежду.

Юные боги будущего взамен одряхлевших и свергнутых богов прошлого? Плевать он хотел и на тех, и на других. Слепая вера в чужое незыблемое превосходство оскорбляла его. Он верил только в себя – как в одного из хозяев, поделивших этот мир на зоны влияния. И когда-нибудь чье-то влияние станет тотальным...

Самое смешное о себе Локи услышал как-то из уст одного умирающего супраментала. Тот зачем-то вручил своему убийце амулет – серебряный крест – и сказал, что Локи напоминает ему древнего странствующего рыцаря, который поклоняется идеалу, но потерял душу, совершив все смертные грехи. Потерянной душе неведомы угрызения. А раз их нет, значит, нет и сожалений.

Счастливчик Локи не знал по-настоящему, что такое грех, вина и искупление. Это были абстракции, для которых у него не находилось эмоций. Поэтому он смеялся, когда другие плакали, и поднимался на недостижимую высоту.

2. Цветок из книги

Лили сидела возле костра и смотрела, как маленький Кеша играет с засушенным цветком. Незадолго до этого она вытащила цветок из старой книги. Оба предмета чудом сохранились и передавались от человека к человеку, словно величайшие реликвии. Как фотографии мертвых. Как символы веры. Как огонь.

Огонь, книга, засушенный цветок... Эти вещи поддерживали жизнь, готовую угаснуть в любой момент. Такие простые, хрупкие и недолговечные вещи. Они стали бесценными лишь по недоразумению. Книга и цветок могли сгореть в пламени. Бумагу когда-то делали из древесины. Огонь тоже пожирал дерево. Так совершался вечный круговорот, в котором одно гибнет, а другое рождается и приходит на смену мертвому.

Лили еще не осознала своего места на этой ужасающей безжалостной карусели. А Кеша тем более. Он напоминал ей забавного, сосредоточенного и немного неуклюжего медвежонка. Но цветок он брал бережно своими пухлыми пальчиками – и значит, кое-что впитывается с молоком матери. Никто не объяснял ему ценности цветка. Собственно, это была даже не игра. Скорее нечто вроде постижения утраченного мира. Малыш не видел зеленых полей, живых цветов и порхающих над ними бабочек. Он не видел и многого другого. В лучшем случае остались мумии или изуродованные свидетельства прошлого великолепия, которые позволяли кое-что ПРЕДСТАВИТЬ.

Но что мог представить себе четырехлетний мальчик, глядя на кости, сухие цветы, оплавленные пуговицы?..

Кеша держал цветок и боялся даже дышать на него. И так почти все лепестки облетели. Страницы книги сохранились немного лучше. Она называлась «Собиратель костей». Лили не читала ее Кеше. Вместо этого она сама придумывала истории со счастливым концом, которые рассказывала ребенку перед сном.

Лили не была настоящей матерью мальчика. Та погибла примерно год назад – замерзла, попав в снежную бурю. Ее нашли только на четвертые сутки – статую, для которой даже не надо было выдалбливать могилу в вечной мерзлоте...

Кеша сам выбрал себе новую маму. Он особенно привязался к Лили, которую иногда оставляли нянчиться с четырьмя чужими малышами, хотя ей едва исполнилось шестнадцать. И теперь она чувствовала, что не может, не имеет права его бросить.

Она рассеянно перелистывала книгу, которую знала почти наизусть. Неудивительно – ведь читать больше было нечего. Из-за отсутствия новых впечатлений Лили была близко знакома с детской тоской. Ее фантазии скрашивали долгие часы вынужденного ожидания. Дядя Рой научил ее грамоте, когда она была чуть постарше Кеша. Но мальчик способнее и быстро развивается. Порой ей казалось, что даже слишком быстро... Скоро и она займется его образованием – это позволит отломить еще кусочек от темной глыбы времени, придавившей ее.

Кеша отличался изрядной сообразительностью и подвижным умом, но порой впадал в странный ступор, погружался в себя и подолгу сидел с отсутствующим видом, словно пребывал где-то очень далеко. В такие минуты Лили не на шутку пугалась. Ей казалось, что в глазах мальчика можно увидеть тень другого, гораздо более взрослого, но бессловесного существа. Существа, с которым невозможно найти общий язык, потому что такого языка просто не существует...

Между прочим, книга тоже была о конце света. Вернее, о человеке, стоящем у конца времен. Но насколько же страшнее и хуже оказалась реальность!

Юная Лили уже поняла, что так всегда и бывает.

Книга и цветок сменили семерых хозяев. Теперь они принадлежали старому Лео. Он еще помнил прежнюю жизнь. Тогда он был мороженщиком. Подумать только: продавал детишкам замороженное молоко и фруктовые соки! Стояли жаркие денечки, и парочки валялись на траве. В парк приходили буколические бабульки и кормили лебедей, плававших в пруду, а голуби садились на спину старого коня, которого звали Бен. Жизнь текла своим чередом, и у Лео дела шли неплохо. Он продавал мороженое, и часто под вечер на всех желающих не хватало порций. Эта маленькая, но очень злая шутка судьбы наложила на его воспоминания неизгладимый отпечаток.

Но вообще-то Лео был добрым стариком и давал книгу с цветком любому, кто хотел прикоснуться к старине и не боялся расстроиться. Он намекал, что книга таит в себе волшебство и однажды цветок ОЖИВЕТ.

Лили знала, что это сказка для отчаявшихся, но иногда ей действительно снилось, как цветок оживает... Она просыпалась со слезами на глазах и не могла вспомнить оттенков сновидения; оставалось только ощущение тепла, света, тихой нежной музыки, не существовавшей наяву, и любви, сиявшей будто маленькое солнце. Его лучи касались закрытых глаз – и слепые прозревали, и черные сердца начинали кровоточить, и земля оттаивала, выпуская на волю зеленые ростки...

Что касается огня, то он принадлежал всем. Он горел в Пещере сколько Лили себя помнила. Иногда совсем тускло, перебегая от лучины к лучине; иногда – по праздникам – так ярко, что становились различимыми самые дальние закоулки укрытия.

* * *

...Внезапно Лили осознала, что Кеша ведет себя слишком спокойно. Повернула голову – так и есть. То же необъяснимое состояние отрешенности, тот же взгляд, устремленный во внутренний космос. Тени, скользящие в зрачках... Восковое лицо... Замедленное, почти незаметное дыхание... Цветок неподвижно лежал на его ладони.

И вдруг мальчик сказал:

– Он уже близко.

– Кто? – спросила Лили, у которой отчего-то пересохло в горле.

– Бабай. Бабай уже близко, – сказал Кеша удивительно печально.

От его обреченного вида у Лили защемило сердце. Она схватила мальчика на руки и начала его целовать, приговаривая:

– Ну что ты, глупенький. Бабай не придет. Бабай приходит только к плохим деткам, а Кеша хороший...

Слеза скатилась по его щеке. Он не сопротивлялся. Такая теплая и ласковая мама... Он положил ей голову на плечо. Он не хотел ее огорчать, не хотел видеть, как она плачет. Их соединял незримый поток. Он чувствовал ее нарастающий страх, как свой собственный. Можно было отгородиться от источника страха непроницаемой стеной. Спрятаться... на время.

Кеша закрыл глаза. Но напоследок прошептал так тихо, что Лили не услышала:

– Бабай придет ко всем.

3. Мертвый ангел

Несмотря на молодость, у Локи был обширный опыт. Он предполагал, что приручить аборигенов будет непросто. Обычно на это уходили дни и недели. Случалось, правда, что он освобождался всего за несколько минут. Точку в неудавшихся переговорах ставил Громобой. Окончательно и бесповоротно. После него редко оставалась работа даже для Тихой Фриды.

Но такие эпизоды Локи считал своими откровенными провалами. Этот город он искал слишком долго, рисковал слишком многим – и многое потерял по пути. Так что на сей раз он не собирался ошибаться.

Поэтому он заранее присматривал себе место, где можно было бы устроить временное пристанище. На первый взгляд, проблем с жилплощадью не возникало – вымерший город предоставлял огромный выбор. Но Локи отличался специфическим вкусом. Он не был избалован, нет. На худой конец, он мог бы переночевать и в снегу, что и проделывал неоднократно. Однако миты с их примитивными умишками напрямую связывали качество логова и статус его владельца. Следовало поддерживать это заблуждение, раз уж он хочет добиться от них повиновения и поклонения.

На глаза долго не попадалось ничего подходящего. Поразмыслив, он отверг чудом уцелевшую башню, которая торчала из развалин, словно черный восставший фаллос, перфорированный узкими бойницами. Грозная башня впечатляла одной своей высотой – она господствовала над окружающим пейзажем, возносясь метров на пятьдесят и напрямую воплощая идею превосходства. Но Локи правильно рассудил, что сооружение, по всей видимости, держится на соплях, а каждый раз совершать опасные и трудные восхождения ради сомнительного удовольствия наблюдать за ползающими внизу дикарями было бы глупейшей тратой времени и жизненной энергии.

Вскоре подвернулась другая крайность – зияющие пасти подземных гаражей, наполовину занесенные снегом. Излюбленные места престарелых суперанималов, которых тянуло на покой. Те устраивали себе надежные логова в подобных норах, превращая их в удобные для обороны катакомбы с несколькими хорошо замаскированными запасными выходами. Однако, на взгляд Локи, это слишком уж смахивало на добровольные преждевременные похороны. Нет, он пока не торопился залечь под землю. Ночь, распахнутая на все четыре стороны, и ледяные просторы все еще манили его. Их беззвучный зов он ощущал постоянно, и единственным ответом могло быть движение. Бездействие и застой порождали неизъяснимую мучительную тоску. И если движение невозможно, тогда оставалось одно «лекарство» – вой. Долгий протяжный вой. Куда более жуткий, чем тоскливые песни митов. И даже волки замолкали...

Некоторое время Локи внимательно присматривался к зданию с шестью колоннами на фасаде и настолько мощными стенами, что оно устояло после взрывов, до основания разрушивших соседние дома. Лишь кое-где провалилась крыша. Над колоннами сохранилось рельефное изображение – что-то вроде герба со звездой, солнцем и колосьями. Наверняка имелся и подземный этаж. Гранитный цоколь смахивал на крепостной вал. Было видно, что строили на века.

Не иначе тут располагалось гнездышко прежних властителей. Так почему бы не поддержать традицию? Страх перед властью неистребим, он засел слишком глубоко, отпечатался в генах митов и передается из поколения в поколение.

Однако кажущийся парадокс состоял в том, что Локи вовсе не желал возвращения прежнего порядка и возрождения цивилизации мягкотелых кретинов, впустую растративших достояние предков, не сумевших распорядиться невиданной мощью и скатившихся до массового самоубийства.

Город демонстрировал ему среду обитания, которую Локи воспринимал как воплощенный кошмар. Он живо представил себе тысячные толпы, не знавшие, куда себя деть; миллионы машин, отравлявших воздух; непрерывную шумовую пытку; бессмысленные войны и террор, а для тех, кому «повезло», – расписанные до гроба дни и ночи.

Да, по всем канонам, то была тупиковая ветвь. Локи всерьез считал себя одним из первых представителей нового вида, куда более приспособленного к жизни на искаленной планете. Сколько времени потребуется, чтобы залечить раны? Может быть, тысяча лет, – но некоторые шрамы не затянутся никогда.

Миты уже смирились с этим, как с Божьей карой, проклятием, посланным на их головы и души. Супраменталы считали, что люди отброшены назад, но путь к вечному свету все равно открыт для всех и для каждого. Суперанималы вообще не занимались чепухой. Они не думали о будущем. Они вытравливали его из настоящего. Они просто делали все возможное, чтобы выжить и занять господствующее положение.

И это им удалось.

* * *

...Итак, цитадель рухнувшего порядка Локи оставил позади. Он исследовал несколько извилистых улиц, посмотрел на опоры, вмерзшие в гладкий синеватый лед, который обозначал русло реки, – вот и все, что служило напоминанием о двухсотметровом мосте. На другом берегу картина была такой же: черно-серый пористый шлак, голые остовы, безжизненный мусор, лед, снег – и нигде ни единого огонька.

Или миты хорошенько попрытались, или передохли, или... их тут не было.

Локи подумал, не ошибся ли Гарик-шаман из колонии суггесторов, рассказавший ему про город. Гарик был болтлив, подобострастен и назойлив. Локи отказался от его услуг в качестве проводника и заодно наложника, однако любопытную историю дослушал до конца.

По словам Гарика выходило, что здешнее поголовье митов достигало восьмидесяти единиц (из них подавляющая часть – половозрелые особи) и значит, можно было основать целую ферму. Вообще-то, к информации подобного рода Локи относился осторожно – трудно поверить, что никто из суперов еще не положил глаз на такое местечко. А где глаз, там и лапы. А в лапах чаще всего – игрушки вроде Громобоя.

Локи никогда не избегал борьбы с достойным или превосходящим по силе противником. Более того, ему это нравилось. Искусственный отбор в действии. Пусть и снижается численность расы, зато все происходит быстро: одно-два поколения – и останутся лучшие из лучших. Генофонд. Производители. Поставщики семени для Королевы. (Правда, в последние месяцы Локи не встречал никого, кто сумел бы оказать ему серьезное сопротивление.)

...Эх, Гарик, Гарик. Если он обманул Локи насчет митов, то больше уже не сможет обманывать. Локи знал как минимум три отличных рецепта приготовления блюд из человеческого языка. У Гарика язык был ярко-розовым, мясистым. И длинным, как положено шаману... Деликатес, который частично компенсирует моральный ущерб. Жаль только потраченного впустую времени...

Но тут Локи, чей взгляд блуждал, внимательно изучая незнакомый ландшафт, заметил ЭТО.

* * *

Он замер будто завороченный. Не каждый день увидишь сбитого ангела смерти. По правде говоря, до этого момента Локи видел их всего дважды и оба раза издал. А сейчас

ничто не мешало приблизиться и даже прикоснуться к металлическому телу ангела – самому совершенному и быстрому оружию уничтожения.

Локи испытывал невероятное возбуждение. Гораздо более интенсивное, чем сексуальное. Это была вибрация силы, поднимавшейся по стволу позвоночника от крестца до головы и темным фонтаном бившей в небеса. Фонтан достигал невидимых далеких звезд, о которых сохранились только легенды. В ту минуту Локи вдруг «узрел» звезды внутренним взором – это было видение, открывшееся у него на ином уровне жизни. Огромные сгустки энергии перетекали в непостижимо устроенной Вселенной. Потоки, воронки, источники... Миры создавались и рушились прямо «на глазах». Это напоминало танец чьего-то невероятного воображения, и Локи тоже принял в нем участие. Вымя божественной природы, набухшее молоком вечности, внезапно оказалось ощутимым и реальным; Локи припал к нему, отхлебнул магического напитка, понял, что запредельность существует... а потом все прошло.

И снова были холод и лед, и промерзшая на метры в глубину земля, и скованный на берегу падший ангел. Стало ясно, как именно он падал. Ему повезло. Он не взорвался и не развалился на куски, врезавшись в землю под большим углом. Наверное, был пуст. Кончилось и топливо, и крылатые ракеты. Может, он не дотянул до аэродрома, но скорее всего к тому времени аэродром уже оказался уничтожен ответными ударами, и возвращаться было некуда. Вероятно, ангел совершал что-то вроде аварийной посадки – тоже, впрочем, закончившейся гибелью. Экипаж до последнего цеплялся за жизнь, но ангел выполнил свое предназначение...

По пути он снес несколько десятков зданий, оставил за собой широкую просеку, обломал гигантские крылья и замер на пляже, погрузившись в воду до половины.

ТОГДА здесь была вода – в этом Локи не сомневался. Возможно даже, веселые и ни о чем не подозревавшие миты загорали под голубым куполом в солнечный день. Дети смеялись и с разбегу прыгали в воду... Или была теплая лунная ночь, и нагие любовники лежали на прибрежном песке, окутанные серебристым сиянием, и Млечный Путь благословлял их соитие. Девушка хотела стать женщиной и зачать новую жизнь, а парень думал, что вот это, наверное, и есть счастье. Но потом они услышали прощальную песню ангела – ГОЛОС С НЕБА. Низкий, ноющий, страшный звук...

Локи попытался представить себе, что они чувствовали в ту минуту, и не смог. Воистину, ангел поразил его.

Локи шел к нему не меньше часа. Он дважды останавливался, чтобы удержать эти неповторимые мгновения, запечатлеть и сохранить их, упрятать в темницу своего мозга. Когда понадобится, он сумеет вспомнить, извлечь оттуда непередаваемый восторг перед призраком вечности, пойманным в крылатую металлическую ловушку.

С высокого берега, в кровавых отсветах зарниц, мертвый ангел смерти был великолепен. Он напоминал вмерзшее в лед распятие и одновременно – доисторическое существо, тщетно пытавшееся выбраться из холодного ада.

4. Дядя Рой

Многолетняя усталость была словно лишний вес, груз, к которому он привык, но она всякий раз наваливалась внезапно, когда Рой переступал некий порог выносливости. И тогда ему казалось, что он тащит на плечах еще одного человека. Мертвеца в свинцовых ботинках. Своего отца, умершего восемь лет назад.

И гроб вдобавок.

И клеймо непрощенного.

В этом случае оставалось только лечь и ждать, пока в теле снова появятся силы. Но Рой не всегда мог позволить себе эту роскошь – лечь и ждать. Вне Пещеры подобный «отдых» означал почти верную гибель. Вот как сейчас, когда бушует буря и ничего не разберешь в двух шагах. Только грязно-белый вихрь кружит, царапая лицо ледяным абразивом. И ветер бьет, будто тяжелая прозрачная дверь...

Рой проклинал себя за самонадеянность. Ведь это он разрешил поисковой группе задержаться, хотя признаки приближавшейся бури были очевидны. Но уж очень заманчивой и богатой казалась сегодняшняя добыча. Оставалось только извлечь ее из глубокого колодца, служившего прежде вентиляционной шахтой метрополитена. Наверное, кто-то устроил склад и хорошенько припрятал свое добро еще в ту пору, когда в городе шли бои между враждующими бандами и было полно голодного зверья. В прямом и переносном смысле.

Рой помнил минувшие времена. Ничего не скажешь, веселые были денечки. Не то что теперь... Им всем, уцелевшим, еще повезло, что бомба оказалась «чистой». Литиевая красotka. А о прелестях радиоактивных осадков уже не расскажут те, другие, пришедшие из зараженных районов и умершие в самом начале «ядерной зимы»...

Он нашел это место, возвращаясь из безрезультатной дальней разведки. Вероятно, у него действительно был счастливый глаз. Люди всегда звали его с собой – на удачу. Но он просто физически не мог быть со всеми одновременно. Те, которых он привел к шахте, были согласны рискнуть. Да что там рискнуть – они рвались туда, в глубину, на самое дно колодца. Там лежало сокровище, способное продлить жизнь.

У них было с собой все необходимое – веревки, лестницы, топоры. Успеет, решил он. И просчитался. А человек, которого избрали мэром на третий срок, не имеет права на ошибку. Хочешь сам подохнуть – пожалуйста. У нас свободная... страна, чуть не подумал Рой. Сразу и слова не подберешь. Пусть будет зона. Свободная зона. Из петли, вероятно, вынут, а вот отправиться на свидание с Дедом Морозом не помешает никто...

Но если ты отвечаешь за других людей, то обязан быть трезвым и дальновидным. Последствия малейшей неосторожности могут оказаться катастрофическими. Впрочем, это были издержки старого мышления. Чтобы убедиться, достаточно посмотреть вокруг: что может быть катастрофичнее этой голой окоченевшей задницы величиной с планету!

В результате буря настигла их примерно на половине обратного пути. Они нагрузились под завязку и не могли двигаться быстро. Рой приказал бросить все – консервы, пачки с солью, канистры, дрова – и любой ценой пробираться к Пещере. Переждать бурю бессмысленно – она могла продлиться не одни сутки.

Но как бросишь еду, которую держишь в руках, если при этом не ел два дня? Буря кажется просто очередной неприятностью, бесформенным зверем, отбирающим пищу. В сугробы полетели покрышки, бревна, мотки проволоки, но только не консервы. Сам Рой с сожалением расстался с двадцатикилограммовой связкой досок. Искал ориентир, чтобы вернуться за ними, если выживет, но так и не нашел. Развалины проступали сквозь снежную

завесу однообразной грядой, окружавшей со всех сторон. Рой побрел вслепую, ведя в связке за собой пятнадцать человек.

...Длинные прочные дубовые доски скорее всего пропадут. Уже никто не откроет их. Отчего-то он вдруг подумал, что из них можно было бы сколотить отличный крест. Но некому приносить искупительную жертву. Что испытал Иисус, когда нес на Голгофу орудие своей казни? Ему было ЖАРКО, вот это точно...

Путаются мысли. Черт с ними, с досками. Что они такое, в конце концов? Огонь сожрет их за пару часов. Значит, доски имеют вполне конкретный эквивалент. Два часа жизни. Много это или мало?

«О чем ты думаешь, дурак? Может, ты ходишь по кругу?»

Буран замечает следы быстрее, чем высыхают детские слезы. Шаг, еще шаг... Веревка натягивается. Отчаянные рывки. Рой останавливается и оборачивается. Ни черта не видно. Крик. Кто-то упал сзади. Вся связка встала. Ближайшие помогают бедняге подняться...

«Что с ним? Если не сумеет идти, понесем. А что делать? Иисусу было труднее...»

Ползем дальше.

Буря усиливается. Каждый шаг – прорыв сквозь мокрую простыню. И сколько их еще впереди!.. Слепец ведет слепцов. Но они-то думают, что он – зрячий. Знаменитый Рой с его гениальной интуицией и способностью находить выход из любого положения!.. Сдохнет тут, как сдохли десятки и сотни до него. А людей он погубил... На ум пришли слова старой песенки – «пятнадцать человек на сундук мертвеца...». Йо-хо-хо, что там еще? Ах да – и бутылка рому... Сейчас он не отказался бы хлебнуть чего-нибудь покрепче. Спирта. Чистейшего горящего спирта...

«Не чувствую кончиков пальцев. Если отморозил – хана. И не помню, как называлась та книжка. Ну та, где пятнадцать человек... Не помню, и все... Себя, дурака, ни капли не жалко. А девочку оставлять жалко. И Грува. И Кешку. Но особенно девочку».

Только рядом с Лили он расслабляется, только с нею бывает иногда самим собой. Но не до конца. Кое-что припрятано ото всех и от нее в его грязненьком тайнике...

Она будет красавицей, если выживет. Хотя какое там, к черту, будет!

Она УЖЕ красавица – и что самое лучшее, не догадывается об этом. В ней нет ни грамма фальши. Когда он смотрел на нее спящую, у него щемило сердце.

Рой боялся признаться самому себе, что любит ее как женщину. Он хотел ее и не брался отличить любовь от похоти. Оставаясь с нею наедине, он сдерживался лишь ценой невероятных усилий воли. Но однажды черная волна накроет его с головой и разум захлебнется...

Это началось давно. Так давно, что он считал себя извращенной скотиной. Он надеялся, что это пройдет. Девочка выросла, но страсть не остывала, а становилась сильнее с каждым днем. Он загонял свое чувство в самую глубокую яму сердца, где оно бродило, превращаясь... Он и сам не знал, во что. Это его и пугало. Лили ни о чем не догадывалась. Тогда почему же он скрывал от нее, что...

«Стоп! Хватит о Лили. Думай о тех, кто сейчас рядом». Но ведь и она всегда рядом с ним. Вот она – на внутренней стороне век. Вот ее глаза, ее улыбка, вся ее ладная фигурка... «О Господи, если я не вернусь, она тоже умрет...»

Добраться бы до того места, где протянуты веревки, а дальше будет легче. ЛЕГЧЕ? Уже сейчас вина висела на нем, как неотвратимое проклятие. Тянула вниз, приказывала упасть. Ниже, ниже, еще ниже, пока не сравняешься с самыми гнусными из своих фантазий и грез...

Он все время думал не о том. А эти люди, шедшие за ним в связке, полностью доверяли ему. Что хорошего в слепой вере? Хотел бы он иметь лидера, на которого мог бы положиться!..

Что это было? Собачий лай? Нет, не может быть. Игра воображения.

Вот опять... Девочку он уже видел. Почему бы теперь не вспомнить Грува? Надежный, смысленный пес. Иногда он согревал Роя холодными ночами, но чаще Рой велел ему ложиться с маленькими детьми. Наша бегаящая грелка... Сегодня он не взял с собой Грува именно по этой причине – один из малышей заболел. Но, если честно, было еще кое-что – он просто берег пса и надеялся когда-нибудь найти ему суку, пусть даже из диких. Возродить собачье племя.

Грув был ровен со всеми, кто относился к нему по-доброму, но подчинялся только Рою, которого со щенячьего возраста выбрал своим старшим братом. Иного и нельзя было ожидать от бастарда. Помесь лайки и полярного волка выглядела многообещающе. Густая теплая шерсть, сильное и выносливое тело, впечатляющие клыки. Грув уже показал себя в схватке со стаей диких псов. Ему пришлось залечивать раны два месяца, но четверо врагов навсегда остались там, где встретились с ним.

...Лай раздался ближе, или Рою кажется? Возбужденные голоса людей подтверждают, что это не слуховая галлюцинация на почве переутомления.

Белое мелькает на белом. Живой вихрь, опережающий стихию. Пляшущие черные точки. Это, должно быть...

Так и есть! Нос и глаза Грува. Судя по обрывку веревки с измочаленным концом, болтавшемуся у него на шее, пес перегрыз ее и сам отправился на поиски.

Прыжок, натиск, порывистое дыхание. Красный горячий язык. Сильный звериный дух... Пес весит немало, а Рой слишком устал. Он валится в снег, и Грув кладет ему морду на грудь. Оттаскивать бесполезно. Если брат не встанет, он будет согревать его. Если брат умрет, Грув умрет тоже, но не сдвинется с места.

Однако это произойдет не сегодня. Еще не время... Рой отпихивает пса и встает, хотя ему кажется, что для этого надо приподнять могильную плиту толщиной с земную атмосферу. Еще ничего не кончилось. Сдаться проще всего. И приятнее, если на то пошло. Тихо уснуть в обнимку с Грувом. Обрести наконец желанный покой. Ждать Лили на том свете. Там наверняка тепло, а в аду даже жарко. Пожалуй, он выбрал бы ад, чтобы СОГРЕТЬСЯ...

Ты раскис, сопляк, сказал он самому себе. Эгоистичная тварь. Готов утащить за собою всех? Быстрее домой, пока пес еще в состоянии найти дорогу по запаху! Вот только долго ли продержится запах в такую безумную ночь?

Но Грув – малый не пальцем деланный. Он мочился по пути, оставляя пахучие метки через каждые двадцать-тридцать шагов. Горячая моча прожигала снег на десятки сантиметров. Рой представил себе, как Грув постреливает короткими струйками, задирая лапу, и расхохотался. Ветер тут же залепил ему рот и швырнул смех обратно в глотку. Восстанавливая сбитое дыхание, Рой плотнее закрыл меховой капюшон и очистил ото льда щель для глаз. Очень узкую, но достаточную, чтобы видеть хвост пса. Грув уверенно раздвигал широкой грудью летящие снежные завесы, изредка погружая морду в сугробы и приносясь. «Нет, но каков стервец, а? Автоматчик хренов. Научился ссать очередями с отсечкой!...»

Рой едва не упал, зацепившись за отвердевшую веревку. Вот и все. Как просто. Они дома. ДОМА! Что в этом слове? Не подлинное ощущение уюта и защищенности, а всего лишь очередная отсрочка. Но грех жаловаться. Рой слишком вымотался, потому и одолевают мрачные мысли. Завтра будет легче. До завтра он отдохнет...

* * *

Хватаясь за веревку, Рой преодолевает оставшиеся полторы сотни шагов до Пещеры. Сегодня он привел обратно всех. Новой монете не упасть в копилку его вины. А копилка уже набита доверху. Добро, сделанное живому существу, не весит столько, на сколько затягивает одна-единственная смерть...

Со скрипом открываются тяжелые импровизированные ворота – стальные плиты, подвешенные на тросах. Наконец-то дохнуло относительно теплым воздухом, и стало видно бьющееся сердце костра. Как мало надо человеку!

Грув с достоинством принимает поцелуи детей и благодарные поглаживания взрослых. Барбара подошла и, скромно потупившись, дружески клюнула Роя в щеку. Но именно эта поддельная скромность вопила о том, что она готова на большее. Гораздо большее...

Лили бежит навстречу Рою и бросается ему в объятия. Ее гибкое тело так близко... Сладостная, почти невыносимая пытка. Кто он для нее? Дядя Рой, мэр, стержень мироустройства. И только.

Все же он замечает тени у нее под глазами – она пережила за эту ночь слишком многое: ожидание, тревогу, страдание, безнадежность. Теперь все позади... до следующего похода. Что-то не так? Ах да, Кеша. Кеше опять приснился плохой сон про Бабая?

«Детка, прости меня, об этом расскажешь потом. Мне бы добраться до своего матраса. Можно, конечно, упасть прямо тут, но я почему-то думаю, что мэры не должны валяться посреди Пещеры. Это подрывает авторитет и снижает рейтинг. Если бы ты знала, какой высокий у меня рейтинг. А я в любой момент готов променять его на...

Табу. Запрет. Никогда не подниму этот шлагбаум.

Пока, милая. Спокойной ночи. Нет, кушать я не буду. Я и дышу-то с трудом. Укрой меня, детка. Согрей меня своим юным телом... Нет-нет, это я не тебе...

И еще одно: я люблю тебя, Лили».

«И я тебя тоже, ДЯДЯ РОЙ...»

5. Имена

Вблизи стало ясно, насколько сильно поврежден бомбардировщик. Неплохо сохранилась только часть фюзеляжа в районе пилотской кабины. В других местах обшивка свисала лохмотьями, обнажая внутренние элементы конструкции. Носовой обтекатель был полностью разрушен; антенна локатора смахивала на единственное, уродливо торчащее ухо. Смятый стабилизатор косо перечеркивал горизонт, указывая на север. Будто гномон солнечных часов – еще более абсурдный от того, что никакого солнца не могло быть.

(Тело после пытки. Тело с содранной кожей...)

И все же лучшего места для временной базы Локи себе не мыслил. Свить гнездо в черепе ангела – в этом был некий эстетический момент, которого он ни за что не сумел бы выразить посредством скудных слов. И еще – переданная ему эстафета.

Но помимо смутных образов, тревоживших его душу, выбор имел и чисто практическое значение: из кабины прекрасно просматривалась окружающая местность и подходы к бомбардировщику; кроме того, защита от ветра, снега и пуль обеспечена. Возможно, внутри до сих пор находятся жмурики? Вот уж чем Локи брезговал меньше всего.

Привычным оком он прибрассывал ориентиры, составляя в уме карту: в двухстах метрах к югу – постамент над гранитной набережной, с которого снесло памятник ударной волной (у митов прошлых времен тоже были свои идола); триста пятьдесят шагов на северо-северо-запад – покосившаяся опора линии электропередач, устоявшая лишь благодаря своей ажурности; плюс два-три ориентира помельче.

За всю жизнь Локи не видел ни единого проблеска солнца или луны. Тем не менее он без труда определял направление и стороны света. Он не нуждался в примитивных и не очень точных приборах вроде компаса. Магнитные силовые линии – кажется, так называли супраменталы тот слабый, но постоянный поток, в который был погружен его мозг с самого рождения. Отдаленной аналогией был ветер, однако для истинных ощущений Локи в человеческом языке не существовало названия.

Точно так же у него не было проблем с измерением времени. Невидимые светила кружили на сложных каруселях гравитации, а он всегда «узнавал» свое относительное положение в этом космическом механизме. Часы с вечным приводом шли не останавливаясь; ось проходила через его сознание, и нематериальные стрелки перемещались по циферблатам орбит...

Никто не сообщил ему, что его восприятие уникально. Данная особенность предоставляла дополнительную степень свободы и преимущество над вероятным противником. Если только ею не обладали ВСЕ супера. Но Локи до сих пор не потрудился это выяснить. А как насчет митов? Вот тут-то он точно знал: в вопросах ориентирования на незнакомой местности они – полные кретины. Им достаточно хиленькой бури, чтобы заблудиться.

Легкая добыча. Жалкие создания. Либо эволюционное недоразумение, либо необходимое промежуточное звено. Эдакий генетический отстойник...

Локи склонялся к последнему варианту. Поэтому он так серьезно и тщательно готовил предстоящую операцию. Личная ферма с большим поголовьем открывала хорошие перспективы для селекции. Кроме того, нельзя упускать из виду и крайне актуальную проблему питания...

И вот он стоит рядом с бомбардировщиком. Даже поверженный и наполовину утопленный ангел был огромен. Проникнуть в пилотскую кабину оказалось непросто. Локи понатрудился на это около получаса.

Ледорубом он вырубил ступеньки в крутых скользких склонах, образовавшихся по обе стороны фюзеляжа. Когда поднялся на пару метров и стер ладонями слой налипшего на

обшивку снега, то увидел на борту рисунок двуликого существа. Две головы, сросшиеся затылками. Одно лицо – красивое женское; другое – яростное мужское.

Был повод задуматься, как называли самолет те, кто летал на нем. Локи не сомневался, что за штурвалом сидел латентный суперанимал. А оружие у суперов всегда в почете – не важно, нож ли это, который помещается в рукаве, или сверхзвуковой стратегический бомбардировщик. Отношение трепетное, как к властной любовнице, которую не можешь бросить, даже если захочешь. Она знает о тебе слишком многое. Она добралась до твоей истинной сути. И только с нею испытываешь оргазм...

Да, это был настоящий культ оружия. А культ требует идолов и жертвоприношений. Есть жрецы, и есть предназначенные в жертву. Есть созданные, чтобы убивать, и это сильнее их. Та самая «любовница» крепко держит их за крутые яйца.

Например, когда Локи брал в руку Громобоя, он чувствовал одно и то же. Тень смерти падала из той запредельности, где все расписано на миллионы лет вперед, где существа заранее занесены в реестры живых и мертвых... Но он мог ИЗМЕНИТЬ все это одним движением. Зачеркнуть проклятую предопределенность. Просто НЕ ВЫСТРЕЛИТЬ.

Он один отвечал за все и не сваливал ответственность на потусторонних кукловодов. Да и не считал себя марионеткой – пусть даже нити тянулись к божеству.

А имена... Что ж, имена украшали эту игру, делали реальность завораживающей и таинственной – будто маски, одетые на неживые предметы. Как правило, благородное личное оружие суперанималов не меняло имен и владельцев. Переименовать его – известная всем дурная примета, которая срабатывала безотказно. Так безотказно, что давно пропала охота проверять.

Но хуже всего – по глупости или неведению заполучить в «крестники» КОГО-НИБУДЬ из Проклятого Арсенала...

Поэтому обычно оружие мертвеца либо отправлялось под лед вместе с ним, либо подвергалось специальному ритуалу стирания имени.

У Локи не было этих проблем – своего Громобоя он взял прямо с армейского склада. Девственник в заводской смазке. Он будто копил силу, пролежав в бездействии не один десяток лет. Ржавчина не коснулась его. Локи окрестил свою новую пушку спустя двое суток в Алтарной норе. У нее действительно был громкий убедительный голос и соответствующий калибр.

С Фридой дело обстояло сложнее. Она попробовала его крови, когда принадлежала другому хозяину – суперу по кличке Питон. То был плохой день, который хорошо закончился. Локи все-таки отправил Питона на тот свет, а потом выдернул из раны нож. Ему показалось, что он схватил ядовитую змею.

И несмотря на это, он еще не держал более удобного клинка. Прекрасный баланс, шероховатая рукоять, совершенный изгиб кишокдера. В этом тоже проявился вкрадчивый и коварный «характер» Фриды – она будто втиралась в доверие, прикидывалась послушной, чтобы однажды неведомо как оказаться вне ножен, и тогда новый хозяин, случайно поскользнувшись и падая, навалится на нее своим брюхом...

Мало кто решился бы оставить себе такой клинок. Но Локи принял и этот вызов судьбы. Он страстно желал исправить ее брезгливую и кислую гримасу, обращенную к нему, на улыбку. В крайнем случае, если она посмеет насмеяться над ним, – вколотить ей зубы в глотку. Но не сдаться. А для Тихой Фриды он придумал специальную узду.

У Питона была еще удавка, за что, собственно, он и получил свое прозвище, но это – штукавина для извращенцев, убивающих не по необходимости, а ради удовольствия...

Локи мог часами говорить об оружии. Это был его конек. Он безо всяких усилий запоминал истории, услышанные в разных колониях и в разные годы от самых разных людей. Смерть неизменно присутствовала в любых историях. Они все без исключения имели

налет темной романтики. А чего стоили имена клинков – Золинген, Звелящая, Хлебoreзка (кто помнил вкус настоящего хлеба?), Грань, Ласка, Пиранья, Черный Лед! Огнестрельные родственнички тоже оставляли простор для фантазии: Кали (шестиствольная авиационная пушка), базука Большая Берта, Отправитель, Чистоплюй, Доктор Айболит, дробовик Фаршировщик, Бонд, винтовочный обрез Член Господень...

Среди них были свои аристократы и плебеи. Были носители легендарных свойств и те, что сами творили легенды. Некоторые имели уникальную родословную и сменили много имен и хозяев. Потеряли в чистоте, прошли огонь и воду, познали все круги ада, будто старые шлюхи, – зато приобрели универсальность и уникальную приспособляемость.

Что же касается ангела смерти, то его имя навеки останется загадкой.

6. Студент

Наката сидел в своем закутке, отгороженном пластиковыми щитами, и безуспешно пытался сосредоточиться на решении шахматной задачи. На самом же деле ему было не до шахмат. Возвращение Роя огорчило его сильнее, чем он мог предположить. Будто разодрал едва затянувшуюся рану. Но Наката сдерживал эмоции, даже в одиночестве напяливая на себя маску невозмутимости. А уж показать их кому-либо он ни за что не решился бы. По крайней мере пока. Приходилось считаться с тем, что мэр – личность популярная. Даже его ошибки нередко оборачивались триумфом. Вот как сейчас. Завел группу черт знает куда, едва не заблудился и не погубил пятнадцать душ, спасся только благодаря своей шавке... и на тебе – герой!

А все почему? Потому, что люди в массе своей не умеют мыслить критически и не способны на объективные оценки. Они – стадо, тупо бредущее за вожаком. Куда угодно, хоть на бойню. Наката чувствовал себя вожаком, способным вести за собой пассивную толпу, но ему не давали развернуться. Он тайно возненавидел Роя с того дня, когда проиграл на выборах мэра. За него, Накату, проголосовало смехотворное количество избирателей. Всего несколько человек. И что самое убийственное, они, кажется, сделали это из жалости. Чтобы подсластить горькую пилюлю. Накату оскорбляли их подачки.

Он почти у любого вызывал если не жалость, то сочувствие. Дал же Бог внешность! Какое мучительное несоответствие между формой и содержанием!.. Вечный студент, как назвал его однажды этот старый маразматик Лео, которому следовало бы укоротить язык. Кличка приклеилась намертво, хотя уже мало кто представлял себе типичный облик чертовых «студентов».

В свои тридцать с хвостом Наката действительно выглядел удивительно молодо. Гладенькое безбородое личико с несколько наивным и по-детски насупленным выражением, большие очки (величайшая ценность для близорукого!), тонкая шея и потеющие (!) ладони (он частенько их потирал, когда не знал, чем занять руки). Плюс блестящая эрудиция и на первых порах – повадки отличника-выскочки, от которых теперь не осталось и следа. Наката умел мгновенно приспосабливаться к меняющейся обстановке. Для солидности он пробовал отрастить усы, но получилась какая-то жалкая кисточка под носом, которую он вскоре сбрил, чтобы не позориться.

Но внутренне он был зрелым мужчиной, сомнений нет. Даже чересчур зрелым. Он с вожделением рассматривал фотографии голых красоток, которые содрал со стены в каком-то военном бункере, и чувствовал, что плоть опять восстает. То, что красотки давно превратились в пыль, не имело значения. Студент довольно часто мастурбировал, не получая настоящего удовлетворения, а лишь недолгое облегчение. И дело даже не в отсутствии баб. Он подозревал, что ни одна баба не в состоянии излечить его от комплекса неполноценности. Только власть станет исцеляющим лекарством. Когда он получит власть хотя бы над этим сбродом, его сексуальные проблемы будут решены. А пока... Пока ему остается любоваться шоколадными красотками, на которых когда-то пялились вояки, запертые в бункере. И возбуждались. И стравили давление всеми доступными им способами. И рвались на виртуальную войну.

Между прочим, Наката был достаточно умен, чтобы понять: у него много общего с теми опасными ребятами в погонах, подолгу сидевшими в бункере без баб и забавлявшимися своими стратегическими играми (потом они все-таки доигрались, и случилась настоящая война). Он тоже обожал игры. Любые: простые и сложные. Детские, азартные и некогда запрещенные. Компьютеры ему, конечно, и не снились, но шахматы служили неплохой заменой...

Мысли Студента снова вернулись окольным путем к бабам. Он начал машинально поглаживать свой пах и тут же ощутил ответную реакцию. Расстегнул туго обтягивающие ноги кожаные брюки, которые пошил сам (предмет его особой гордости!)... Пока за перегородкой ахали да охали, встречая вернувшихся поисковиков, Наката успел беззвучно кончить. Семя излилось на грязный пол, и он растер капли подошвой. Одним движением приговорил к смерти тысячи сперматозоидов.

Он даже не высунулся, чтобы поздравить Роя. Мысленно он посылал мэра к черту. А вот эта сучка Барбара, которую все коротко называли Барби, не выходила у него из головы. Она сохнет по Рою, это и слепому ясно. Наката сжал зубы – значит, появился еще один повод для ненависти. Победитель забирает все. Старая истина, особенно актуальная сейчас.

Ну ничего. Студент будет терпеливо ждать своего часа. Если не свихнется от подавленных желаний. А желания у парня ого-го какие!

Он высунулся из-за ширмы, чтобы взглянуть, чем там занята Барби. Вот уж действительно пневматическая кукла! Роскошная блондинка. Ее пышные формы не первый год сводили его с ума (и, наверное, другие мужики тоже пускали слюну, но в их числе не было Роя). О, как он мечтал однажды добраться до нее – зарыться лицом в эти огромные мягкие сиськи, впиться зубами в упругие шары ягодиц, засунуть язык в ее щель и попробовать на вкус тот сок, которым она истекает, привлекая самцов...

Барби как назло проходила мимо, вихляя бедрами. Равнодушно скользнула по Студенту взглядом своих блестящих влажных фар. Ее вызывающая походка не менялась ни при каких обстоятельствах. Но когда-нибудь изменится. Наката заставит ее подползать к нему на коленях, как это делали в старину японские женщины. Может быть, он позволит ей почтительно целовать его маленький желтый пенис. А может (пожалуй, это возбудит его сильнее!), поставит ее раком и посмотрит, как Грув будет запихивать ей сзади...

В общем, он ненавидел и Барби за то, что она не принадлежала ему. Поговаривали, что она дает многим (только не Студенту!). Мстит Рою за то, что тот не обращает на нее внимания. Рой – странный мужик. То ли импотент, то ли евнух. Но точно не святой... Ха! Нащупать бы только его слабое место. Наката придумал бы, как этим воспользоваться. Он был уверен, что слабые места есть у всех без исключения. И он знал свое собственное слабое место, а это уже немало.

Внезапно Студента перекосило. Он заметил тщедушную фигурку, отделившуюся от толпы. Приближалась Вера. Поклонница его таланта. Эта уродливая робкая курица нагоняла на него смертельную тоску. Кажется, вбила себе в голову, что влюблена и что у них с Накатой «духовная близость»! Подобный «комплимент» в ее устах был для него как пощечина. Выходит, он стоял на одной доске с этой... неполноценной. Людишки-неудачники тянулись друг к другу, объединяя усилия в борьбе против равнодушного окружения...

Вера подошла и улыбнулась. Наверное, думала, что улыбается мило и застенчиво. «Спрячь эти зубы, дурочка, и никому не показывай! Меленькие, желтенькие, кривенькие...» Прогнать ее, что ли? Но тогда он останется совсем один, а одиночество порой невыносимо. Нужны союзники. Нужно что-то делать, чтобы не проиграть, когда Рой Великолепный свернет себе шею в дальнем походе.

– Чего тебе надо? – спросил Студент не слишком любезно.

– Наши вернулись, ты видел?

– Видел, – буркнул он.

– Нашли целый склад, но почти все пришлось бросить. Обидно...

Наката злорадно ухмыльнулся, отвернувшись, и Вера не заметила его ухмылки. Кроме всего прочего, она была подслеповата. Куда ей иметь очки, такие, как у Студента! Да и зачем они уродине? В размытом и нечетком мире куда больше шансов сохранить иллюзии... А Наката ликовал. Выходит, наш доблестный мэр вдобавок облажался. Студент сделал заметку

в памяти. Он всерьез собирал компромат на Роя. Чтобы предъявить при удобном случае и открыть глаза обманутому электорату.

А Вера продолжала воодушевленно делиться новостями:

– Рой считает, что можно будет вернуться за топливом. Потом, когда утихнет буря. Грив найдёт то место...

– Рой считает, Рой сказал... – раздраженно бросил Наката. – А своими мозгами вы научитесь думать?

Она замолчала, уловив его настроение. Не посмела возразить. Только положила прыщавую лапку ему на плечо. Студенту стоило большого труда, чтобы сдержаться и не дернуться. Но надо быть снисходительным. Один человек – один голос. Трахнуть, что ли, эту дурочку, чтобы иметь ее голос в кармане наверняка?

Нет, еще рано. До очередных выборов далеко. Он уже начал продумывать тактику «работы с избирателями». Им надо понравиться любой ценой. Вылезти из шкуры, но понравиться. Всем. Начиная от этой сопливой сочинительницы сказок Лили и заканчивая... Тьфу ты! Опять Барби раздвинула своими умопомрачительными бедрами задернутые шторы его фантазии.

– Я думала, мы поиграем сегодня в города... – промямлила Вера, искренне пытаясь развлечь его. Ей было нелегко с ним. Наката – такая тонкая и ранимая натура! Никогда не знаешь точно, как он поведет себя в следующий момент. Случалось, самое невинное замечание вызывало у него гневный припадок. Однако бывали же и чудесные тихие минуты. Например, она читала ему стихи, и он слушал молча, но нельзя было понять, о чем он при этом думает... Очевидно, он много страдал, бедняжка, и держал это в себе. По мнению Веры, ему следовало открыться, довериться ей; она будет внимательной и чуткой. Порой ей хотелось обнять его и защитить от насмешек более грубых и толстокожих людей (а они действительно насмеялись над ним – она не раз слышала с болью в сердце, как они отпускали шуточки в адрес Студента у него за спиной). Ее робкое чувство любви к нему было отчасти сестринским, отчасти материнским, но главным образом – инстинктом замерзшей дворняжки, которая ищет того, к кому можно прижаться и назвать хозяином. Пусть жестоким, но хозяином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.